

ГЛАВА 3

Древнеегипетская «Песнь арфиста» и библейская Книга Екклезиаста.

В литературе, посвященной Книге Екклесиаста, неизменно упоминается о египетском памятнике «Песнь арфиста», содержание которого напоминает один из призывов Екклесиаста – призыв наслаждаться жизнью, пока не наступило забвение смерти. Одинаковое настроение отдельных фрагментов Книги Екклесиаста и египетского текста, сходство ряда выражений (об умощении головы благовоениями, облачении в лучшие одежды и др.) порождает вопрос о возможной связи этих памятников.

1. «Песнь арфиста»: источники, русские переводы. Содержание

Наименование «Песнь арфиста» относят не к одному, а к целому ряду древних египетских текстов, которые могут восходить ко времени Среднего Царства (или Первого переходного периода), но дошли до нас главным образом в памятниках Нового Царства. «Песни арфиста» украшали гробницы. В них выражалось сомнение в посмертной перспективе, и содержался призыв наслаждаться жизнью. Один из наиболее известных вариантов «Песни арфиста», происходящий из гробницы Иниотефа, сохранился в двух версиях. Первая версия содержится в знаменитом папирусе «Харрис 500» (Papyrus Harris 500 (Papyrus British Museum 10060), 6, 2 – 7, 3 recto), хранящемся в Британском музее и названном по имени своего бывшего обладателя, жившего в Александрии английского путешественника А. К. Харриса. Этот папирус, датируемый XIV веком до Р. Х., пострадал от взрыва в Александрии. Он содержал целую антологию египетской литературы Нового Царства¹. На одной

¹ Доейль, Л. *Завет вечности. В поисках библейских манускриптов* / Л. Доейль. СПб., 2001. С. 124.

стороне папируса имеются лирические произведения, в том числе «Песнь арфиста», на другой – сказка «Обреченный царевич», «Взятие Яффы». Вторая версия, хранящаяся в Лейдене, находилась на стене гробницы Паатенемхеба в Саккаре. Гробница относится к эпохе фараона Эхнатона, но надпись может восходить к эпохе Среднего Царства.

Древнеегипетский текст «Песни»² активно переводился на разные языки³. Существует несколько переводов это-

² Древнеегипетский текст «Песни арфиста» см.:

Muller, W. M. *Die Liebespoesie der Alten Agypter* / W. M. Muller. Leipzig, 1899. 29-30. Pls. XII-XVI.

Holwerda, A. and Boeser, P. *Beschreibung der Aegyptischen Sammlung. 14 Volumes* / A. Holwerda and P. Boeser. Leiden, 1905-1932. Vol. 4. Pl. 6.

Budge, E. A. Wallis. *Facsimiles of Egyptian Hieratic Papyri in the British Museum* / E. A. Wallis Budge. London, 1910. P. 23-24.

Lichtheim, M. *The Song of the Harpers* / M. Lichtheim // *Journal of the Near Eastern Studies*. July 1945. Vol. 4. No. 3.

³ Переводы на английский язык см. в изданиях: *Festal Dirge of King Antef // Notes for the Nile together with a Metrical Rendering of Ancient Egypt*. By Hardwick D. Rawnsley. New York – London, 1892. P. 188-196.

The Poem that is in the hall of the tomb of [the King of the South, the King of the North], Antuf, whose word is truth, [and is cut] in front of the Harper // Budge, E. A. W. *The Literature of the Ancient Egyptians* / E. A. Wallis Budge. London, 1914. P. 242-243.

The First Poem of Pessimism // The Sacred Books and Early Literature of the East. Volume II: Egypt. New York – London, 1917. P. 87-88.

Erman, A. *The Literature of the Ancient Egyptians*. Trans. by A. M. Blackman / A. Erman. London: Methuen & Co., 1927. P. 133-134.

A Song of the Harper. Translator: John A. Wilson // *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament with Supplement*. Edited by James B. Pritchard. Princeton University Press, 1969 (1992). P. 467.

The Song from the Tomb of King Intef // Lichtheim, M. *Ancient Egyptian Literature*. Vol. 1: *The Old and Middle Kingdoms*. Berkeley, 1973. P. 194-197.

Song of Phanoah Antef // Selections from the Husia: Sacred Wisdom of Ancient Egypt. Selected and Retranslated by Maulana Karenga. Los Angeles: The University of Sankore Press, 1989. P. 82-83.

Death and Mutability: The 'Harpist's Song' // Parkinson, R. B. *Voices from Ancient Egypt. An Anthology of Middle Kingdom Writings* / R. B. Parkinson. London, 1991. P.145-146.

го текста на русский язык. Это литературные переложения А. А. Ахматовой⁴, И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона⁵, а также, отличающиеся большим соответствием оригинальному тексту, переводы Б. А. Тураева⁶ и М. Э. Матье⁷.

Из надписания «Песни арфиста» папируса «Харрис 500» видно, что когда-то она помещалась в гробнице (храме погребального комплекса) фараона XI династии Иниотефа⁸ рядом с изображением певца с арфой. Изображение арфиста, сопровождаемое надписью, восхваляющей гроб-

From the Tomb of King Intef, The Harper's Song for Inherkhawy // Ancient Egyptian Literature: An Anthology. Translated by John L. Foster. University of Texas Press, 2001. P. 179-182.

The Song of the Harper // The Literature of Ancient Egypt. An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies, and Poetry. Third Edition. Edited and with an introduction by William Kelly Simpson. With translations by Robert K. Ritner, William Kelly Simpson, Vincent A. Tobin, and Edward F. Wente, Jr. Yale University Press/New Haven & London, 2003. P. 332-333.

The Song from the Tomb of King Intef / Miriam Lichtheim // The Context of Scripture. Vol. I. Canonical Compositions from the Biblical World. Editor William W. Hallo. Leiden-Boston: Brill, 2003. P. 48-49.

⁴ *Песнь арфиста.* Перевод А. А. Ахматовой (с подстрочника) // *Поэзия и проза древнего Востока.* Библиотека всемирной литературы. Т. 1. М., 1973. С. 100-101.

⁵ *Песнь арфиста.* Перевод И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона // *Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта.* М., 1958. С. 222-224. *Древний Египет. Сказания. Притчи.* М., 2000. С. 392-394.

⁶ Тураев, Б. А. *История Древнего Востока / Б. А. Тураев.* Мн.: Харвест, 2002. С. 239.

⁷ Матье, М. Э. *Из истории свободомыслия в Древнем Египте / М. Э. Матье // Вопросы истории религии и атеизма.* Сборник статей. М.: Издательство АН СССР, 1955. С. 380-383.

⁸ В XI династии, правившей с 2160 по 2000 г. до Р. Х., было три фараона с подобным именем. См.: Бикерман, Э. *Хронология древнего мира / Э. Бикерман.* М., 1975. С. 176. *Ancient Egyptian chronology.* Edited by Erik Hornung, Rolf Krauss, and David A. Warburton; with the assistance of Marianne Eaton-Krauss. Leiden – Boston: Brill, 2006. (Handbook of Oriental studies. Section 1. The Near and Middle East; v. 83). P. 160-161.

ницу и говорящей о том, что она не должна быть местом печали, встречается в ряде гробниц древнеегипетских вельмож⁹.

В переводе Б. А. Тураева «Песнь арфиста» из папируса «Харрис 500» читается так: «Песнь, находящаяся в (погребальном) храме царя Иниотефа, помещенная перед певцом на арфе»: «Повелел благой царь прекрасную судьбу: исчезают тела и преходят, другие идут им на смену, со времени предков. Боги (т. е. цари), бывшие до нас, покоятся в своих пирамидах, равно как и мумии, и духи погребены в своих гробницах. От строителей домов не осталось даже места. Что с ними случилось? Слышал я слова Имхотепа и Харди-дифа, изречения которых у всех на устах, а что до их мест – стены их разрушены, этих мест нет, их как не бывало. Никто не приходит из них, чтобы рассказать о них, поведать об их пребывании, чтобы укрепить наше сердце, пока вы (т. е. слушатели) не приблизитесь к месту, куда они ушли. Будь здоров сердцем, чтобы заставить свое сердце забыть об этом; пусть будет для тебя наилучшим следовать своему сердцу, пока ты жив. Возлагай мирру на голову свою, одеяние на тебе да будет из виссона, умащайся дивными, истинными мазями богов. Будь весел, не дай твоему сердцу поникнуть, следуй его влечению и твоему благу; устрой свои дела на земле, согласно велению своего сердца, и не сокрушайся, пока не наступит день причитания (по тебе). Не слушает тот, чье сердце не бьется (Осирис), жалоб, а слезы никого не спасают из гроба. Итак, празднуй, не унывай, ибо нельзя брать своего достояния с собою, и никто из ушедших еще не вернулся»¹⁰.

Все «Песни арфиста», как отмечал М. А. Коростовцев, «связаны между собой общим направлением мысли, одним мироощущением и мироотношением. Все на земле бrenно, ... решительно все обречено на исчезновение; испокон веков поколения людей одно за другим нисходят в могилы,

⁹ Матъе, М. Э. *Из истории свободомыслия в Древнем Египте*. С. 380-383.

¹⁰ Тураев, Б. А. *История Древнего Востока*. С. 239.

надгробные памятники разрушаются и исчезают, и от этих людей не остается даже воспоминания; ... никто из умерших не явился из потустороннего мира, чтобы сказать живым об ожидающей их участи; а потому надо использовать все блага жизни, веселиться и наслаждаться, ибо ничто не отвратит неизбежную смерть»¹¹.

Из других «Песней арфиста» можно упомянуть песнь, записанную в гробнице Неферхотепа¹², и песнь из фиван-

¹¹ Коростовцев, М. А. *Литература Древнего Египта* / М. А. Коростовцев // *История всемирной литературы: В 8 томах*. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 68.

¹² «Со времен бога проходят тела, и поколения приходят на их место. Ра восходит утром, Атум заходит в Ману, мужчины оплодотворяют, женщины зачинают, все носы вдыхают воздух, но утром их дети уходят к их местам (т. е. умирают)! Проводи же счастливый день, о жрец! Да будут всегда благовония и ароматы для твоего носа, гирлянды и лотосы для плеч и груди твоей возлюбленной сестры, которая сидит рядом с тобою! Да будут песня и музыка пред тобою, отбрось всякое огорчение, думай только о радости, пока не придет день, когда надо причалить к земле Любящей молчание... Проводи же счастливый день, мудрый жрец с чистыми руками! Я слышал обо всем, что случилось с предками: их [стены] разрушены, их места не существуют, они подобны тем, кто никогда и не был со времени бога. [Но твои стены крепки, ты посадил деревья] на берегу твоего пруда, твоя душа отдыхает на них и пьет их воду. Следуй же смело своему сердцу!.. Давай хлеб неимущему, чтобы осталось твое имя прекрасным навеки! Проводи счастливый день!.. Подумай о дне, когда тебя поведут в страну, куда забирают людей. Там нет человека, который взял бы с собою свои богатства. И нет возврата оттуда» (перевод М. А. Матъе). Цит. по: Монте, П. *Egumet Рамсесов* / П. Монте. Смоленск, 2000. С. 117-118.

См. также: *The Song of the Harper // The Sacred Books and Early Literature of the East. Volume II: Egypt*. New York – London, 1917. P. 89-91.

Song for the Priest of Ra, Neferhotep // Selections from the Husia: Sacred Wisdom of Ancient Egypt. Selected and Retranslated by Maulana Karenga. P. 83.

The Song from the Tomb of Neferhotep (Theban Tomb No. 50) / Miriam Lichtheim // *The Context of Scripture*. Vol. I. *Canonical Compositions from the Biblical World*. Editor William W. Hallo. P. 49-50.

ской гробницы № 23 (эпоха XIX династии)¹³. Однако рассматриваемая «Песнь арфиста» связана не только с подобными ей «Песнями», но и целым рядом других древнеегипетских текстов.

2. Место «Песни арфиста» в истории религиозных представлений Древнего Египта

«Песнь Арфиста» можно воспринимать как проявление двойственного отношения древних египтян к смерти¹⁴. Уже тот факт, что большинство египетских памятников, наполняющих залы музеев и потрясающих воображение туристов в самой долине Нила, связано с культом мертвых, говорит о том, что жизнь после смерти поглощала думы

Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament with Supplement. Edited by James B. Pritchard. Princeton University Press, 1969 (1992). P. 33-34.

¹³ Предварительный перевод этой песни, сделанный М. Пановым, имеется на форуме сайта «Египтологический сборник» (Режим доступа: http://www.egyptology.ru/cgi-bin/topic_show.pl?tid=355. Дата доступа: 20.01.2010). «Исполняемое певцом, находящимся в храме, Осирису, писцу документов фараона Чаи, правоугласному: "Приветствовал <я> тебя, когда существовал ты на земле, когда существовала твоя сила. Не прекращай поступать по своему желанию, пока не наступит день прибытия, пока не прибудет тот, кто видит находящегося невидимым, без [срока, день разрушающий] сердца, тот, кто дает рухнуть дому на [землю], когда приходит он, тщетна любая работа, выполненная кем-либо. Нет ушедшего, кто вернулся"».

¹⁴ В контексте противоречивого отношения египтян к смерти рассматривает «Песнь Арфиста» Филип Джонстон, видя в ней проявление скепсиса к традиционным воззрениям на жизнь после смерти. См.: Johnston, Philip S. Death in Egypt and Israel: A Theological Reflection / Philip S. Johnston // *The Old Testament in Its World. Papers Read at the Winter Meeting, January 2003. The Society for Old Testament Study and at the Joint Meeting, July 2003. The Society for Old Testament Study and Het Oudtestamentisch Werkgezelschap in Nederland en België.* Edited by Robert P. Gordon & Johannes C. de Moor. Leiden-Boston: Brill, 2005. P. 94-116.

живых более, чем повседневные проблемы¹⁵. К смерти готовились заблаговременно: строили гробницы, в которых поминальные ритуалы начинали совершаться еще при жизни будущего усопшего, приготавливали заупокойный инвентарь, сакральные и магические тексты. А после смерти поддерживали умершего обильными подношениями.

Может поражать и само отношение египтян к мертвым. Умершие до конца не покидали мир живых, но сохраняли постоянную связь с этим миром. Живые обеспечивали мертвым подношения и рассчитывали на то, что и умершие будут оказывать им помощь. Археологи обнаружили ряд древних писем, относящихся к длительному периоду от Древнего до Нового Царства, в которых живые обращались к мертвым за помощью так, словно те и не оставляли этот мир¹⁶. «Эти письма показывают, - пишет Ф. Джонстон, - что мертвые и живые воспринимались взаимодействующими, вовлеченными в сеть взаимоотношений, которые выражались в двойственных, противоречивых терминах. Мертвые были одновременно слабыми, нуждающимися в постоянной поддержке, и сильными, способными повлиять на дела живых. А живые удовлетворяли их материальные потребности и умоляли о благосклонной помощи»¹⁷.

С другой стороны, благоговение перед мертвыми, забота о них, а также все официальные представления о загробном мире в реальной жизни народа нередко предава-

¹⁵ О древнеегипетских представлениях о загробной жизни см., например: Muller, M. *Afterlife* / M. Muller // *Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*. Oxford, 2000. Vol. 1. P. 36.

Shushan, G. *Conceptions of the Afterlife in Early Civilizations: Universalism, Constructivism, and Near-Death Experience* / Gregory Shushan. London – New York: Continuum, 2009. P. 55-69.

¹⁶ Gardiner, A. H.; Sethe, K. *Egyptian Letters to the Dead: Mainly from the Old and Middle Kingdoms* / A. H. Gardiner, K. Sethe. London, 1928.

Wente, E. *Letters From Ancient Egypt* / E. Wente. Atlanta: Scholar Press, 1990. (Society of Biblical Literature. Writing from the Ancient World. Vol. 1).

¹⁷ Johnston, Philip S. *Death in Egypt and Israel: A Theological Reflection*. P. 97.

лись забвению или попросту низвергались. Ф. Джонстон указывает на несколько фактов, свидетельствующих о пренебрежении к мертвым¹⁸. Во-первых, заупокойный инвентарь часто использовался повторно, старые монументы, гробницы становились частью новых, даже гробы и саркофаги меняли своих мертвых хозяев. Во-вторых, в Египте с самых древних времен процветало гробокопательство¹⁹. В-третьих, поминальный ритуал, предполагавший регулярные подношения мертвым, который обеспечивали родственники покойного, со временем прекращался, а умерших постигало забвение. Собственно, все эти жизненные обстоятельства, так или иначе, отражены в «Песнях арфиста» и некоторых других древних египетских текстах, относящихся к разным эпохам. Вместе с тем, вера в продолжение жизни после смерти и сопровождавшие ее религиозные ритуалы были неистребимы на протяжении всей истории древнеегипетской цивилизации, и усиление скептицизма и цинизма происходило на фоне укрепляющейся веры в бессмертие и невероятной популярности магических действий, обеспечивающих это бессмертие.

Возникновение литературной традиции, в рамках которой создавались «Песни арфиста», порой связывают с исторической эпохой, в которой Древний Египет, пережил самый первый в своей истории кризис, затронувший все стороны жизни страны – политику, экономику, социальную и религиозную сферу. Речь идет о времени перехода от Древнего к Новому Царству, которое называют Первым переходным периодом. Неимоверное напряжение всех человеческих сил, направленное на создание величественных поминальных комплексов, на поддержание поминального культа теперь казалось тщетным. Гробницы были разграблены, а живые едва ли могли должным образом позаботиться о себе. «Перевернулась страна, как гончарный круг,

¹⁸ Johnston, Philip S. *Death in Egypt and Israel: A Theological Reflection*. P. 98-100.

¹⁹ См., например, папирусы расхитителей гробниц. Goelet, O. *Tomb Robbery Papyri* / O. Goelet // *Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*. Oxford, 2001. Vol. 3. P. 417-418.

– говорится в «Речениях Ипувера», которые, возможно, относятся к этому периоду, –... мумии выкинуты из гробниц. Раскрыты все тайны бальзамировщиков»²⁰. Именно с этими обстоятельствами традиционно связывают скептическое настроение «Песней арфиста» и ряда других древнеегипетских литературных памятников²¹. Так Дж. Уилсон, употреблявший в связи с текстом «Песни арфиста» выражение «аморальный гедонизм», отмечал, что отчаяние и цинизм данного памятника был «первой реакцией на крушение преуспевающего, жизнерадостного мира»²². А М. Элиаде связывал появление «Песни арфиста» с религиозным кризисом, который был вызван сокрушительным падением власти фараонов Древнего Царства, фараонов, которые воспринимались как воплощенное божество: «Если фараон больше не выступал как воплощенный бог, то все снова становилось сомнительным и прежде всего – смысл жизни, а значит, и реальность посмертного существования. «Песнь Арфиста» говорит о таких же кризисах отчаяния, которые испытали Израиль, Греция, Древняя Индия в результате крушения традиционных ценностей»²³. Настроение «Песни Арфиста» связывали также и с эпохой религиозного переворота, совершенного Аменхотепом IV (Эхнатон)²⁴.

²⁰ *Речения Ипусера // Древний Египет. Сказания. Притчи.* С. 417, 421.

²¹ См., например: Тураев, Б. А. *Египетская литература* / Б. А. Тураев // Брестед, Д.; Тураев, Б. *История Древнего Египта.* Т. 2. Мн.: Харвест, 2002. С. 248.

²² Франкфорт, Г.; Франкфорт, Г. А.; Уилсон, Дж.; Якобсен, Т. *В преддверии философии. Духовные искания древнего человека* / Г. Франкфорт, Г. А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен. СПб., 2001. С. 136.

²³ Элиаде, М. *История веры и религиозных идей.* Режим доступа: <http://www.eliade.ru/religioznye-idei-v-drevnem-egipte.html/6>. Дата доступа: 20.01.2010.

²⁴ Fischer, Stefan. *Qohelet and 'Heretic' Harpers' Songs* / Stefan Fischer // *JSOT (Journal for the Study of the Old Testament).* June 2002. Vol. 26. № 4. P. 107.

Однако едва ли появление подобного рода произведений можно объяснять только кризисами перехода от Древнего в Среднее Царство или потрясениями эпохи Эхнатона²⁵. Например, в «Песне арфиста» из папируса «Харрис 500» говорится не о разрушении царских гробниц (они, судя по тексту, стоят нетронутыми), а только гробниц мудрецов²⁶. Представляется, что при рассмотрении «Песни арфиста» следует вообще отказаться от выстраивания жесткой связи между ее содержанием и социально-политическими событиями конкретной эпохи. Бесспорно, сомнения в бессмертии или необходимости развития материальной стороны поминального культа могли получить импульс от социальных потрясений. Но на волне этих потрясений мы наблюдаем в Египте не ослабление, а еще большее развитие поминального культа. Так что нельзя сводить дело только к этим потрясениям. Хотя совершающееся беззаконие вполне могло стать поводом для обращения человека к вопросам, которые не зависят от политики и экономики, к вопросам о жизни и смерти, о тайне смерти.

Содержание «Песни арфиста» следует рассматривать в контексте развития в Древнем Египте поминального культа. Еще до начала упомянутых потрясений, в конце Древнего Царства, в гробницах фараонов V и VI династий появляются религиозные тексты, которые обычно называют Текстами Пирамид, а в погребениях знати – гробничные биографии вельмож. С Первого переходного периода происходит своеобразная «демократизация» представлений о загробной участи, возникает огромное количество заупокойных магических текстов, которые помещались уже не только на стенах гробниц, но и на внутренней стороне сар-

²⁵ См. Burkes, Shannon. *Death in Qoheleth and Egyptian Biographies of the Late Period* / Shannon Burkes. Society of Biblical Litature, 1999. P. 157-169.

²⁶ Этим автор, возможно, хотел подчеркнуть, что даже самые мудрые, авторитетные на земле люди бессильны перед смертью и тайной того, что ожидает человека за порогом смерти.

кофагов²⁷. Тексты, предназначенные только для фараонов, теперь использовались в саркофагах вельмож. Тексты Саркофагов обнаружили в погребениях на всей территории Верхнего Египта. Дальнейшее развитие этих текстов приведет к возникновению Книги Мертвых. И если в смутное время происходило разрушение прежних гробниц и поминальных храмов, то это вовсе не означало, что сама идея культа мертвых подвергалась сомнению. Напротив, культ мертвых только развивался, а старые гробницы опустошались для того, чтобы были воздвигнуты новые гробницы. В «Поучении Мерикара» (XII века до Р. Х.) царь советует своему сыну: «Не строй гробницу, разрушая сделанное, чтобы соорудить свою»²⁸. Так что кризисы переходной эпохи, со всеми святотатственными осквернениями гробниц, не только не смогли ниспровергнуть традиции поминального культа и веру в жизнь после смерти, но даже усилили культ мертвых.

С конца Древнего Царства возрастает религиозное почитание Осириса, а в эпоху Среднего Царства Осирис становится, по словам М. А. Коростовцева, не только богом загробного мира, но и «властителем дум»²⁹. Теперь каждый человек, а не только фараон, отождествляется с Осирисом (о чем свидетельствуют Тексты Саркофагов). Все помыслы египтян устремляются к суду Осириса и его царству, к тому, чтобы с помощью заупокойной магии преодолеть все преграды и достичь вечного блаженства.

М. А. Коростовцев, очевидно, выполняя заказ своей эпохи, утверждал, что «Песнь арфиста» являлась своеобразной антитезой представлениям, связанным с культом

²⁷ О Текстах Саркофагов см., например: Тураев, Б. А. *Египетская литература*. С. 239-246. *The Egyptian Coffin Texts. Volume 8. Middle Kingdom Copies of Pyramid Texts*. By James P. Allen. Chicago, 2006. (The Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institute Publications. Volume 132).

²⁸ *Поучение Гераклеопольского царя своему сыну Мерикара // Хрестоматия по истории Древнего Востока*. Ч. 1. М., 1981. С. 33.

²⁹ Коростовцев, М. А. *Религия Древнего Египта* / М. А. Коростовцев. СПб., 2000. С. 176-178.

Осириса, она была «как бы факультативным дополнением к загробному ритуалу, по существу начисто его отрицая»³⁰. По словам этого известного советского египтолога, «Песни арфиста» свидетельствуют, что «наиболее пытливые умы древности ощущали недоказуемость и сомнительность некоторых религиозных догм»³¹. Действительно, при первом беглом знакомстве с этим памятником возникает соблазн видеть в нем проповедь скептицизма, даже атеизма и материализма. Собственно, этот памятник традиционно характеризуется как произведение, выражающее скепсис и вольнодумство. И обосновать такой взгляд несложно. Можно сказать, что в период социальной и политической нестабильности, когда вместе с гробницами сокрушались и прежние религиозные представления, возник скептический призыв не думать о смерти и наслаждаться жизнью. Однако такой взгляд представляется несколько упрощенным. Думается, что в отношении данных памятников следует все же избегать категоричных и однозначных суждений, пытаться найти в них древний атеизм.

«Песни арфиста» – это не гимн атеизма. Это не сокрушающий религиозные идеи скепсис и не позволившее вольнодумство. Если бы это было так, то едва ли бы такие тексты стали помещать в гробницах, которые были составной частью культа мертвых. Представляется, что их присутствие в гробницах обеспечивало баланс между восприятием жизни до смерти и жизни по смерти, оно словно подчеркивало, что забота о будущей жизни не должна лишать человека радостей от этой жизни. Мы имеем дело не с противопоставлением мира-до-смерти и мира-после-смерти, а с призывом к разумному отношению человека к ценностям и возможностям, которые предоставляют эти два мира. Недаром в гробнице Неферхотепа на стене, противоположной той, на которой начертана «Песнь арфиста»,

³⁰ Коростовцев, М. А. *Литература Древнего Египта*. Т. 1. С. 68.

³¹ Коростовцев, М. А. *Литература Древнего Египта*. Т. 1. С. 68.

записаны и такие слова: «Разве Запад не всеобщий дом, где все смогут обрести покой, и где больше не будет ссор?»³².

Возможно, «Песни арфиста» являлись и своеобразным «противовесом» обрядовому формализму и чрезмерному вниманию к заупокойной магии. Ведь именно с конца Древнего Царства начинает оформляться идея загробного воздаяния. Загробная участь человека в представлениях египтян стала определяться не только правильным соблюдением обрядов и магией, но и нравственным принципом. Эта идея отражается в гробничных биографиях вельмож³³. Например, в гробнице Амени в Бени-Хасане (эпоха Сенусерта I, фараона XII династии) говорится: «Нет дочери простолюдина, мной обесчещенной. Нет вдовы, мной ограбленной ... Нет отвергнутого мной пастуха ... В мои времена не было [ни одного] несчастного вокруг. И не было голодающих в мою пору ... [потому что?] я давал вдове равно как обладательнице мужа, и при любом деянии я не делал различия меж великознатным человеком и маленьким»³⁴. С Первого переходного периода доля этики в заупокойных текстах только увеличивается. Этический элемент присутствует и в Текстах Саркофагов, и в «Поучении Мерикара». Эволюция идеи загробного суда привела впоследствии к появлению знаменитой 125 главы Книги Мертвых, которая, впрочем, все равно использовалась в качестве магического текста, а также к «Сказаниям о Сатни-Хемуасе», которые и вовсе напоминают евангельскую притчу о богаче и Лазаре (Лк. 16:19-25).

³² Цит. по: Gardiner, A. *Egyptian Grammar* / A. Gardiner. Oxford, 1957 (Reprinted, 2007). P. 24c. (Русский перевод см. на Интернет-сайте «Египтологический изборник». Режим доступа: <http://www.egyptology.ru/lang/Gardiner-Gramm/Gard-intr.pdf>. Дата доступа: 20.01.2010).

³³ См. соответствующие цитаты из гробничных биографий вельмож в кн.: Коростовцев, М. А. *Религия Древнего Египта*. С.317.

³⁴ Рак, И. В. *Египетская мифология* / И. В. Рак. СПб., 2000. С. 281-282. В этой книге приводится и подробное описание данной гробницы.

Развитие идеи воздаяния за нарушение нравственных норм естественным образом порождало сомнение в важности требований ритуала и магических действий, хотя на практике все это сосуществовало неразрывно. Этический элемент присутствует и в «Песне арфиста» из гробницы Неферхотепа, а скептическое отношение к важности внешнего поминального культа – в «Песне» из папируса «Харрис 500».

3. «Песнь арфиста» как памятник литературы мудрости. Связь «Песни арфиста» с другими памятниками древнеегипетской литературы

«Песнь арфиста» традиционно относят к памятникам межнациональной литературы мудрых, получившей широкое распространение среди народов Древнего Ближнего Востока – Египта и Передней Азии³⁵. В рамках же традиции мудрости данный текст причисляют к литературным памятникам критического направления, для которого характерно сомнение относительно традиционных взглядов на жизнь и поведение человека. В Древнем Египте расцвет литературы мудрых пришелся именно на время Среднего Царства, на то время, когда, судя по языку, и был записан рассматриваемый памятник. «Песнь арфиста» обладает всеми чертами, свойственными литературе мудрых³⁶. Она создавалась в среде писцов, в среде людей, близких к правящей элите. Ее отличительной чертой является антропоцентризм, открытость, она говорит о проблеме, волнующей каждого человека, вне зависимости от его происхождения, социального положения, национальности или религиозных предпочтений. Идеи, которые в ней содержатся, имеют

³⁵ См., например: Скотт Р. Б. Й. *Традиция и литература мудрости* / Р. Б. Й. Скотт // *Библейские исследования*. Сборник статей. Выпуск 1. М., 1997. С. 653.

³⁶ См. вторую главу или статью: Акимов, В. В. *Литература мудрости: Древний Израиль и страны Ближнего Востока* / В. В. Акимов // *Труды Минской Духовной Академии*. № 7. Жировичи, 2009. С. 133-137.

прикладной характер, они касаются практической деятельности, поведения человека в реальном мире, призваны помочь человеку жить в окружающем его мире. В «Песне», не смотря на кажущийся скептицизм, предполагается существование определенного порядка в этом мире, определенной организованности этого мира (возможно, косвенно признается существование Маат), поскольку наслаждение, радость от жизни – это все-таки существующая реальная, законная, предусмотренная возможность. Наконец, как и большинство текстов литературы мудрых, «Песнь арфиста» является поэтическим произведением, написанном в форме поэтической речи (по классификации литературных форм, которую приводит Э. Ценгер³⁷). Поэтическая речь адресована к определенному слушателю и включает обращение, изложение учения и вывод.

В связи с упоминанием об общечеловеческом характере проблемы, затрагиваемой в «Песни арфиста», вспоминается римская надпись на саркофаге Флавия Агриколы из Тибура, которая может показаться даже несколько хулиганской. Саркофаг был обнаружен в 1629 году на месте римской базилики святого Петра. Надпись содержала призыв друзьям: «Смешивайте вино, пейте смело, украшенные цветочными венками, и не отказывайте в любви милым девам. Когда придет смерть, все пожрут огонь и земля»³⁸.

В рамках древнеегипетской литературы «Песнь арфиста» связана с целым рядом литературных памятников. В египетском поучении, которое условно называют «Восхвалением знаменитых авторов», датируемом эпохой Рамесидов (папирус «Честер-Битти IV»; Papyrus British Museum 10684, 2,5 – 3,10), также упоминаются разрушенные поминальные храмы, покинутые жрецами, покрытые грязью надгробные стелы, преданные забвению погребальные камеры, люди, погибшие вместе со своими близкими, чьи

³⁷ Ценгер, Э. *Книги Премудрости* / Э. Ценгер // *Введение в Ветхий Завет*. Под редакцией Э. Ценгера. М., 2008. С. 431.

³⁸ Беляев, Л. А. *Христианские древности. Введение в сравнительное изучение* / Л. А. Беляев. СПб., 2000. С. 101 (примечание 3).

тела превратились в прах. Однако данный текст едва ли кто называет пессимистическим или скептическим. Упоминание бренности материальных предметов, связанных с поминальным культом, используется тут для того, чтобы подчеркнуть значимость записанного человеческого слова, книг поучений, которые гораздо лучше, чем гробницы и даже прямые наследники, способны сохранить имена, память о своих авторах.

«Были воздвигнуты для них двери и залы (заупокойных служб), но они распались (на куски). Заупокойные жрецы их (ушли?) ... их надгробные стелы покрыты грязью, их камеры преданы забвению. (Но) произносят имена их (до сих пор) из-за их книг, которые они сделали, поскольку они были хороши, и память о том, кто сделал их, (сохраняется) навеки. ... Книги полезнее, чем дом строителя, чем часовня на Западе. Она лучше, чем воздвигнутый дворец и чем поминальная стела»³⁹.

Особый интерес представляет упоминание в этом произведении тех же древних авторов, имена которых перечисляются в «Песне арфиста» – Имхотепа и Хардедефа. «Есть ли здесь (кто-либо) подобный Хардедефу? Есть ли другой подобный Имхотепу?»⁴⁰. Причем в этих двух памятниках говорится о разрушенных гробницах этих мудрецов. Хардедеф – это сын знаменитого фараона Ху-фу (Хеопса) (IV династия)⁴¹. Сохранился небольшой отрывок его поучения. А в 1926 году в Гизе была раскопана его гробница (мастаба № 7210/20). Считается, что его гробница не была завершена и подверглась осквернению⁴². Хардедеф

³⁹ *Восхваление знаменитых авторов* // Коростовцев, М. А. *Писцы Древнего Египта* / М. А. Коростовцев. СПб., 2001. С. 237.

⁴⁰ *Восхваление знаменитых авторов* // Коростовцев, М. А. *Писцы Древнего Египта* / М. А. Коростовцев. СПб., 2001. С. 237.

⁴¹ О Хардедефе см.: Коростовцев, М. А. *Писцы Древнего Египта*. С. 112-113.

⁴² *Египетская Книга мертвых. Папирус Ани Британского музея*. В переводе Э. А. Уоллеса Баджа. Перевод с английского Е. Лазарева. Режим доступа: http://www.fidel-kastro.ru/history/ancient/papyrus_ani/index.html. Дата доступа: 20.01.2010.

упоминается в «Поучении Хордедефа», папирусе «Весткар», «Песни арфиста», папирусе «Анастаси I» (в нем знание «Поучения Хардедефа» считается признаком образованности), папирусе «Честер-Бити V», а также в примечании к 64 главе Книги Мертвых из «Туринского папируса» (а это одна из самых почитаемых глав Книги), где говорится, что текст главы обнаружил Хардедеф⁴³.

Имхотеп – это знаменитый архитектор, визирь фараона Джосера (III династия), известный в египетском пантеоне как бог медицины. Он построил ступенчатую пирамиду Джосера в Саккара. Принято считать, что в «Песни арфиста» мы сталкиваемся с первым упоминанием об Имхотепе. Вопреки словам из «Восхваления», Имхотеп в настоящее время больше знаменит гробницей Джосера, чем своим письменным наследием, от которого ничего не сохранилось.

Сравнение «Песни арфиста» и «Восхваления» показывает, что «Песнь арфиста» можно и не рассматривать как пессимистическое произведение. Упоминание в «Восхвалении» разрушенных поминальных комплексов не рождает пессимизма: мудрецы продолжают жить в своих именах. Подобным образом, как кажется, не должно рождать пессимизм и упоминание в «Песни арфиста» разрушенных гробниц и неизвестности того, что ожидает человека после смерти. Автор «Песни» просто напоминает, что человек должен использовать свою жизнь в полноте, получая то удовольствие, радость, которые жизнь предполагает. Автор словно пытался исправить чрезмерное внимание египтян к смерти, которая, кстати, не вызывала у египтян такого ужаса, какой она вызывает у наших современников. Достаточно вспомнить историю Осириса. Когда брат Осириса устроил пир и показал гостям великолепный саркофаг, гости

⁴³ Там же. Тураев, Б. А. *Египетская литература*. С. 304.

не ужаснулись, а пришли в восторг и стали примеряться к нему (Плутарх. *Об Исиде и Осирисе*, 13)⁴⁴.

«Песни арфиста» не призывали к забвению смерти ради наслаждения жизнью. Египтяне не прятались боязливо от смерти, подобно современным людям, они стремились смотреть трезво и на жизнь, и на смерть. Обычно люди предпочитают даже не вспоминать о том, о чем они хотят забыть. А «Песнь» вполне могла исполняться на пиршествах⁴⁵. Это можно предполагать на основании египетской повести «Путешествие Ун-Амуна в Библ». В ней Ун-Амун рассказывает: «Он приказал, чтобы доставили мне Тентнут, певицу из Египта, которая была у него, говоря: «Пой ему, не допусти, чтобы овладели сердцем его заботы». Он послал ко мне, говоря: «Ешь, пей, не допусти, чтобы владели сердцем твоим заботы. Ты услышишь все, что я скажу, завтра»⁴⁶. Эти слова напоминают и «Песнь» из папируса «Харрис 500», и особенно слова «Песни» из гробницы Неферхотепа⁴⁷. Созвучно этому и свидетельство Геродота: «На пиршествах у людей богатых после угощения один человек обносит кругом деревянное изображение покойника, лежащего в гробу. Изображение представляет собой расписную фигуру величиной в один или два локтя с чертами покойника. Каждому сотрапезнику показывают эту фигуру со словами: “Смотри на него, пей и наслаждайся жизнью. После смерти ведь ты будешь таким!”» (*История*,

⁴⁴ Плутарх. *Из трактата «Об Исиде и Осирисе»*. Перевод Н. Н. Трухиной / Плутарх // *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. М., 1997. С. 87.

⁴⁵ Монте, П. *Египет Рамсесов*. С. 117-120.

⁴⁶ *Путешествие Ун-Амуна в Библ* (2,68-70) – Коростовцев, М. А. *Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский иератический папирус № 120 ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве (издание текста и исследование)* / М. А. Коростовцев // *Памятники литературы народов Востока*. Тексты. Большая серия. IV. М., 1960. С. 32.

⁴⁷ Слова из гробницы фиванского жреца Неферхотепа М. А. Коростовцев переводит так: «пусть поет певица перед тобой». См.: Исторический комментарий на стих 2:69 в статье: Коростовцев, М. А. *Путешествие Ун-Амуна в Библ*. С. 59.

2:78)⁴⁸. Похожее свидетельство есть и у Плутарха: «Фигурка покойника в ковчежце, которую им показывают, обнося по кругу, служит не напоминанием о смерти Осириса, как полагают некоторые, но, пуская несколько раз неприятного сотрапезника, убеждают самих зрителей пользоваться и наслаждаться настоящим, потому что все скоро станут такими же» (*Об Исиде и Осирисе*, 17)⁴⁹. Так что, хотя содержание «Песни» и не предполагает, выражаясь словами Я. Ассмана, «функциональную привязанность к специфическому контексту использования, что характерно для памятников литературы мудрых»⁵⁰, все же этот ее текст мог иметь и вполне практическое применение. На пирах он напоминал и о жизни, и о смерти.

Помещавшиеся в гробницах, «Песни арфиста» имели явную соотнесенность с заупокойными текстами, которые украшали стены гробниц и саркофаги, и которые вошли и в состав Книги Мертвых. Сравнение этих текстов с «Песней арфиста» также показывает, что ее автор стремился уравновесить восприятие жизни и смерти, подчеркнуть, что человек должен жить и наслаждаться жизнью.

Уже упоминалось, что в конце Древнего Царства появились Тексты Пирамид и гробничные биографии вельмож, а в Первый переходный период, когда, видимо, и возникла традиция «Песней арфистов», – Тексты саркофагов. Тексты Пирамид – это собрание изречений, ритуальных формул, обеспечивавших благополучие фараона после его смерти⁵¹. Заупокойные тексты свидетельствуют о сильном

⁴⁸ Геродот. *История в девяти томах*. Перевод и примечания Г. А. Стратановского / Геродот. М., 1999. С. 126.

⁴⁹ Плутарх. *Из трактата «Об Исиде и Осирисе»*. Перевод Н. Н. Трухиной. С. 89.

⁵⁰ Ассман, Я. *Египет: теология и благочестие ранней цивилизации* / Я. Ассман. М., 1999. С. 254.

⁵¹ О Текстах пирамид, гробничных биографиях вельмож, Текстах саркофагов, Книге мертвых см.: Тураев, Б. А. *Египетская литература* / Б. А. Тураев // Брестед, Д.; Тураев, Б. *История Древнего Египта*. Т. 2. С. 220-224, 231-246, 299-315.

влиянии на них культа Осириса. Умершие часто называются именем Осириса⁵², отождествляются с ним (см., например, 219 главу Текстов Пирамид). Многие изречения Текстов Пирамид сопровождалась пометками для жрецов с указанием того, что нужно приносить в жертву при их провознесении⁵³. В жертву приносили воду, пиво, вино, масло, в том числе и благовонное, ароматы, хлеб, мясо, птицу. Умерший фараон, отождествляемый с Осирисом, воспринимается как живой. В 213 главе Текстов Пирамид говорится: «О, и. р.! Ведь ты не ушел мертвецом, ты ушел живым»⁵⁴. А в 219 главе в обращениях различным божествам постоянно повторяются слова: «Это твой сын, это Осирис. Ты дал ему жить да поживать: если он жив, жив сей и. р.; если он не мертв, не мертв сей и. р.; если он не погибает, не погибает и. р.»⁵⁵.

В 145 главе Книги Мертвых (а Книги Мертвых включают в себя тексты, сформировавшиеся в самые разные эпохи) содержатся слова (своего рода магические формулы, заклинания), которые должен произнести умерший, чтобы пройти через 21 пилон дома Осириса. Проходя первые 10 пилонов, умерший каждый раз повторяет, что он знает имя пилона и имя охраняющего его божества, что он омылся водой, помазал себя благовонной мазью и облачился в приличествующую одежду и взял с собой скипетр⁵⁶. Перед первым пилоном, например, он произносит такие слова: «Я омыл себя в водах, в которых омывается Ра ... Я помазал себя мазью хати, [сделанной] из кипариса, я обла-

Allen, James P. *The Ancient Pyramid Texts* / James P. Allen. Atlanta, 2005. (Writings from the Ancient World. Society of Biblical Literature № 23).

На русском языке с комментариями Тексты пирамид опубликованы в издании: *Тексты пирамид*. Под общей редакцией А. С. Четверухина. СПб., 2000.

⁵² См.: Коцейковский, А. Л. *Введение // Тексты пирамид*. С.52-54.

⁵³ См., например, главы 14, 16-18, 23, 34, 43, 45, 54-57.

⁵⁴ *Тексты пирамид*. С. 143.

⁵⁵ *Тексты пирамид*. С. 152-158.

⁵⁶ Бадж, Э. У. А. *Египетская книга мертвых*. Перевод с английского К. Корсакова / Э. У. А. Бадж. СПб., 2008. С. 412-421.

чился в одежду менх, и я взял с собой скипетр из дерева хеши»⁵⁷. Очевидно, эти слова (так же как и отрывки из Текстов пирамид, упоминающие приношение благовонных масел) подразумевают, что тело умершего при подготовке к погребению омывали водой, облачали в одежды, поливали благовонным маслом. Поэтому третий, внутренний гроб Тутанхамона, был настолько залит маслом, что он просто склеился со вторым гробом⁵⁸.

Когда «Песнь арфиста» советует живому человеку следовать своему сердцу, возлагать мирру на голову свою, облачаться в одежду из виссона, умащаться дивными, истинными мазями богов и быть веселым, то не является ли это отражением того, что имеется в поминальных формулах, в Текстах Пирамид и Книге Мертвых? При этом не обязательно видеть в «Песни арфиста» полемику с этими текстами. «Песнь арфиста» призывает не лишать себя в этой жизни того, чем нужно обладать по ту сторону земной жизни – получать радость, умащаться ароматами, облачаться в красивые одежды.

Такое предлагаемое понимание «Песни арфиста» предполагает несколько иное, чем у Б. А. Тураева, прочтение слов «Не слушает тот, чье сердце не бьется (Осирис), жалоб, а слезы никого не спасают из гроба»⁵⁹. В видении Б. А. Тураева автор «Песни» выглядит древним атеистом, отрицавшим Осириса. Но сам текст вполне позволяет под тем, «чье сердце» не бьется, понимать не Осириса, а умершего человека. Такое понимание отражено в переводе И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона, который, может и не отличается, буквализмом, но хорошо передает общий смысл выражения – «Придет и к тебе день скорби и плача, но плача ты не услышишь, и не воскреснешь ты от рыданий, и сердце твое не забьется»⁶⁰.

⁵⁷ Бадж, Э. У. А. *Египетская книга мертвых*. С. 412.

⁵⁸ Матье, М. Э. *Тексты Пирамид – заупокойный ритуал (о порядке чтения Текстов Пирамид)* / М. Э. Матье // *Тексты пирамид*. С. 399.

⁵⁹ Тураев, Б. А. *История Древнего Востока*. С. 239.

⁶⁰ *Песнь арфиста* // *Древний Египет. Сказания. Притчи*. С. 394.

Некоторое сходство с «Песнью арфиста» имеют и другие памятники, которые относят к критическому направлению литературы мудрых – «Разговор разочарованного со своим Ба» (папирус времен XII династии, хранится в Берлинском музее) и «Размышления Хахапerrasенеба со своим сердцем» (хранится в Британском музее). Эти памятники требуют отдельного рассмотрения, но все же важно сделать несколько предварительных замечаний. В первом памятнике рассказывается о человеке, который отчаялся в жизни и захотел покончить с собой. Однако прежде он хотел приготовить все, что требуется для погребения. Однако душа (Ба) убеждала его в бесполезности внешних приготовлений к смерти, обращая внимание на заброшенные гробницы и опустевшие жертвенные столы. «Оставь все свои заботы и наслаждайся счастьем каждого дня!» - призывала душа⁶¹. А в ответ на продолжающиеся сетования человека, душа успокаивала человека обещанием того, что они никогда не расстанутся и вместе достигнут успокоения. В этом памятнике есть сомнения в необходимости поминального ритуала, но нет отрицания религии. Это произведение связывает с «Песнью» и упоминание о разрушенных гробницах, и призыв наслаждаться жизнью, и скептическое отношение к тому, что можно называть культовым материализмом. Особый интерес представляет двойственная оценка этого мира со стороны души человека. С одной стороны, мир – это место, где можно наслаждаться, с другой стороны – жизнь в мире, по оценке души, не стоит того, чтобы за нее держаться, иной мир гораздо лучше.

Во втором произведении гелиопольский жрец беседует со своим сердцем, жалуется на окружающую его несправедливость⁶². К сожалению, полный текст этого произведения не сохранился. Интересно, что образ человека, беседующего со своим сердцем, используется в Книге Еккле-

⁶¹ *Беседа разочарованного со своей душой // Древний Египет. Сказания. Притчи.* С. 399.

⁶² Тураев, Б. А. *Египетская литература.* С. 251-252. Текст отрывка этого памятника см.: Тураев Б.А. *История Древнего Востока.* С. 242-243.

зиаста постоянно. Сердце достаточно часто упоминается и в самой «Песни арфиста».

Говоря о связи «Песни арфиста» с древними текстами, невозможно обойти вниманием и древние месопотамские произведения, главным образом, «Эпос о Гильгамеше». В X табличке «Эпоса» Сидури, хозяйка богов, говорит Гильгамешу: «Куда ты стремишься? Жизни, что ищешь, не найдешь ты! Боги, когда создавали человека, - смерть они определили человеку, жизнь в своих руках удержали. Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок, днем и ночью да будешь ты весел, праздник справляй ежедневно, днем и ночью играй и пляши ты! Светлы да будут твои одежды, волосы чисты, водой омывайся, гляди, как дитя твою руку держит, своими объятиями радуй подругу – только в этом дело человека!»⁶³. Эти слова не только перекликаются с «Песней арфиста», но и фактически пересказываются в Еккл. 9:7-9.

Итак, сравнение «Песни арфиста» с древними литературными памятниками показывает, что это произведение является частью литературной древнеегипетской традиции. Его не следует рассматривать как пессимистическое сочинение, скептически относящееся к религиозным представлениям о жизни после смерти. Оно не противопоставляет жизнь до смерти и жизнь после смерти, но только призывает к правильному использованию жизни, к получению от жизни радости. Его можно назвать скептическим потому, что оно выражает сомнение в том, что блаженное состояние по ту сторону земной жизни зависит от ритуальных действий и магии, а это значит, что в нем скрывается идея нравственного воздаяния. «Песнь арфиста» выступает против чрезмерной материализации поминального культа. В связи с этим вспоминаются библейские пророки, связанные с эпохой вавилонского плена, которые выступали против религиозного формализма, обрядоведения, фетишизации культа и храма. Так что эта «Песнь арфиста» в определен-

⁶³ «О все видавшем». Со слов Син-Лике-Уннинни, заклинателя. Эпос о Гильгамеше // Когда Ану сотворил небо. Литература Древней Месопотамии. М., 2000. С. 188-189.

ном смысле можно считать передовым произведением, которое, видимо, совершенно не случайно имеет ряд соответствий с библейской Книгой Екклезиаста.

4. Книга Екклесиаста как памятник литературы мудрости. Древний Израиль и идея посмертного существования

Книга Екклесиаста, так же как и «Песнь арфиста», является произведением литературы мудрости, произведением критического направления этой традиции. Как и «Песнь арфиста», Книга Екклесиаста имеет все черты литературы мудрости. Она создавалась явно в городской, и, возможно, даже в придворной среде. Во всяком случае, ее автор особо это подчеркивал, называя себя иерусалимским царем и описывая свое огромное состояние. Как и другие памятники литературы мудрости, эта книга имеет характер наставления, поучения.

Книга отличается ярко выраженным антропоцентризмом, чем выделяется среди многих библейских книг. С первых же ее строк мы попадаем в мир, в котором практически не ощущается присутствие Бога. Образ Бога, для обозначения Которого используется теоним «Элогим», возникает только с последних стихов второй главы, появляется периодически, изредка, как-то робко и не всегда уверенно. В книге стихи, упоминающие имя Бога, концентрируются в дистанцированных друг от друга фрагментах, – 2:24-26; 3:10-18; 4:17 – 5:6; 5:17 – 6:2; 7:13-18; 8:12 – 9:1; 12:13-14. Большая часть книги подразумевает Бога далекого, Который проявляет Себя не часто и откладывает Свое вмешательство, предоставляя действие человеку.

Проблемы, поднимающиеся в книге – проблемы общечеловеческие, поэтому в большинстве случаев образ человека в ней лишен конкретных черт – это אָדָם, т. е. человек обобщенный, всякий, каждый, любой человек, вне зависимости от национальных, социальных, религиозных и культурных границ. Царь, каким рисует себя автор, в проблемном поле книги ничем не отличается от всех остальных людей. Этот общечеловеческий характер книги и позволяет

ее автору быть открытым к различным литературным влияниям, использовать внешние (по отношению к еврейскому народу) литературные источники, как, например, «Песнь арфиста» или «Эпос о Гильгамеше». Общекультурный характер книги определяет и ее открытый характер по отношению к читателю, ее экзотичность. Она провозглашает всеобщие ценности, обращена к самой широкой аудитории.

Как произведение литературы мудрых, книга говорит о мудрости, использует специфическую терминологию, противопоставляет мудрость и глупость, мудреца и глупца. Мудрость книги имеет зачастую прикладное, практическое значение. Это искусство правильной жизни. А само признание мудрости, правильного пути, определенной нормы жизни предполагает наличие всеобщего порядка, источником которого является Бог. Такой порядок подразумевается, как указывалось выше, и в «Песне арфиста».

Наконец, Книга Екклесиаста, как и «Песнь арфиста», является поэтическим произведением, в котором используются различные литературные формы, и которое насыщено лексикой, свидетельствующей об антропоцентризме книги.

Книга Екклесиаста, как уже отмечалось, относится к числу книг мудрости критического направления, выражающих определенный протест против нормативной дидактики. Однако, как и в случае с «Песнью арфиста», это протест не абсолютный, в нем скрыто признание неких неизблемых ценностей. Книга Екклесиаста как минимум двухголосна, поскольку в ней имеется определенная внутренняя противоречивость, противопоставления, оппозиционные высказывания, скрытый диалог. На этот внутренний диалог указывали еще древние толкователи Книги Екклесиаста – Григорий Неокесарийский Чудотворец, Иероним Стридонский, Григорий Великий Двоеслов⁶⁴. В настоящее время наличие в книге диалога поддерживается так назы-

⁶⁴ См. раздел «Каноническое достоинство. Толкования в Поздней Античности» первой главы.

ваемой «теорией цитат», которая пытается обосновать структурную целостность всей книги. Согласно этой теории, в книге имеется критический диалог, в котором последовательно цитируются противоположные точки зрения⁶⁵.

Книга поднимает ряд сложных вопросов. Она касается проблемы смысла жизни и деятельности человека, ценности жизни и деятельности; проблемы необходимости правильного поведения человека в его жизни и смысла нравственного поведения; проблемы несправедливости, воздаяния за грехи в этой жизни и связи праведности с успехом в жизни; проблемы понимания того, что может ожидать человека за границей жизни. В книге звучит тема ограниченности человеческой мудрости и непостижимости замысла Божия, которая имеется и в других библейских книгах. В ней говорится о некоем суде Божиим, возвешение которого в определенной мере служит оправданием соблюдения установившихся норм жизни и оправданием человеческой деятельности. Книга рождает жажду иного мира, мира справедливого, в котором нет смерти, и человек не может потерять то, ради чего он так много трудился. В перспективе неотвратимой смерти эта жажда должна была породить представление о мире, который открывается после смерти человека. Собственно, все в этой книге вращается вокруг темы смерти. Эта тема также объединяет Книгу Екклесиаста и «Песнь арфиста». В «Песне арфиста» неотвратимость смерти породила призыв использовать в полной мере ресурс человеческой жизни. В Екклесиасте тема смерти поднимает тему суда и проблему того, что будет с человеком после кончины.

В «Песнях арфиста» не отрицается реальность жизни после смерти. Но была ли вера в такую реальность у древних евреев, у автора Книги Екклесиаста?

⁶⁵ Швинхорст-Шенбергер, Л. *Книга Екклесиаста (Кохелет)* // Введение в Ветхий Завет. С. 497.

В Библии, в том числе в Книге Екклезиаста, часто упоминается смерть⁶⁶. Уже в первых главах первой библейской книги мы находим объяснение происхождения смерти и испорченности этого мира. Человек Ветхого Завета боится смерти. Вместе с тем, в библейских текстах тема смерти никогда не становилась центральной темой. Смерть не подвергалась тщательному рассмотрению. Библейские авторы не стремились приоткрыть завесу над тайной состояния людей после их смерти.

Библейские эсхатологические пророчества, признавая, что в этом мире нет правды и справедливости, говорили о наступлении иных, лучших времен, наступлении нового мира и нового порядка. Однако о причастности к этому новому миру и порядку умерших практически речь не шла. Те, кто умер, пребывают в шеоле. Вопрос о продолжении жизни после физической смерти очень долгое время оставался вне поля зрения библейских авторов⁶⁷. Это обстоя-

⁶⁶ О смерти в Книге Екклесиаста см. статью: Lo, Alison. *Death in Qohelet* / Alison Lo // *Journal of the Ancient Near Eastern Society*. № 31. New York, 2009. P. 85-98.

См. также докторскую диссертацию: Imray, K. *Qohelet's Philosophies of Death* / Kathryn Imray. Murdoch University, 2009.

Обзор последних исследований, затрагивающих вопрос о смерти и умерших в Ветхом Завете, см. в статье: Johnston, Philip S. *Death in Egypt and Israel: A Theological Reflection*. P. 105-111.

Об изображении смерти в Книге Иова см.: Pinker, Aron. *Job's Perspectives on Death* / Aron Pinker // *Jewish Bible Quarterly*. Vol. 35. No. 2. 2007. P. 73-85.

Desmond, A. *The Old Testament View of the Life after Death* / Alexander Desmond // *Themelios*. № 11.2. January 1986. P. 41-46.

Lategan, Werner Andre. *The Theological Dialectic of Creation and Death in Hebrew Bible Wisdom Traditions* / Werner Andre Lategan. Rijksuniversiteit Groningen, 2009.

⁶⁷ В 1880 году была защищена магистерская диссертация П. А. Юнгера «Учение Ветхого Завета о бессмертии души и вечной жизни», опубликованная в Казани в 1882 году и переизданная в Киеве в 2006 году. В ней делалась попытка доказать, что Ветхий Завет во всех своих пластах содержит учение о бессмертии души и вечной жизни. Следует отметить, что это исследование проводилось в рамках избранной автором методологии, опирающейся на церковную

тельство кажется удивительным, поскольку у жителей Египта, близких соседей израильтян, с которыми происходили постоянные контакты, были очень развитые представления о загробной жизни. Израильтяне, которые постоянно грешили идолопоклонством, остались невосприимчивы к египетскому культу мертвых, хотя один из древних еврейских патриархов, Иосиф, был похоронен с учетом египетских традиций (Быт. 50:26).

Исследователей Библии особенно интересовал вопрос о том, существовал ли в Израиле культ мертвых, подобный тому, какой был в Египте. Библия говорит, хотя и скудно, о почитании умерших предков, о существовании определенных погребальных обычаев. Но в ней нет указаний на то, что погребение сопровождалось какими-то определенными религиозными церемониями. Археологические исследования погребений древних израильтян говорят о существовании определенных обычаев, связанных с погребением⁶⁸. При погребениях всегда находят глиняную посуду, в которой, очевидно, помещали пищу для умершего. Однако невозможно утверждать, что ритуал кормления умерших имел регулярный характер, а сами израильтяне имели развитые представления о загробном существовании.

Некоторые исследователи предпринимали попытки найти в библейских текстах отголоски якобы широко распространенного в Иудее и Израиле культа мертвых, который был искоренен религиозными реформами благочестивых царей⁶⁹. Однако оснований для такого взгляда явно

традицию толкования. Однако аргументы П. А. Юнгерова, если их рассматривать вне рамок святоотеческой экзегетики, могут показаться неубедительными и натянутыми.

⁶⁸ О погребальных традициях и верованиях, связанных с умершими, см.: Bloch-Smith, E. *Judahite Burial Practices and Beliefs about the Dead* / E. Bloch-Smith. Sheffield, 1992. (*Journal for the Study of the Old Testament. Supplement Series*, 123. *JSOT/ASOR Monograph Series*, 7).

⁶⁹ Spronk, K. *Beatific Afterlife in Ancient Israel and in the Ancient Near East* / K. Spronk. Neukirchen-Vluyn, 1986. (AOAT, 219).

Lewis, T. J. *Cults of the Dead in Ancient Israel and Ugarit* / T. J. Lewis. Atlanta, 1989. (HSM, 39).

недостаточно. Как отмечает Ф. Джонстон, при всех своих отступлениях, израильтяне, судя по библейским текстам, интересовались не мертвыми, но живыми⁷⁰.

Будущая жизнь, бессмертие практически не интересовали израильтян. Во всей библейской истории встречается только два человека, которые не увидели смерти – взятый Богом Енох (Быт. 5:24) и вознесшийся в вихре на небеса Илия (4 Цар. 2:11). Однако эти лица и их удивительные истории не получили никакого резонанса в Библии, даже в ее поэтических частях. Еврейские поэты, при всех их надеждах и чаяниях лучшего будущего, не замечали этих примеров достижения высшего блага – единения с Богом на небесах. Ветхозаветный человек очень высоко ценит этот мир и его материальные блага. И он фактически не осмысливал себя вне связи с телом. Даже еврейское слово נֶפֶשׁ, которое традиционно переводится как «душа», обозначает в Библии телесного человека, человека как живое существо, а не как некую отдельную духовную сущность человека, как привыкли понимать это слово христиане.

Но смерть неизбежна для всех. Смерть лишает человека этого мира и ведет его в иной мир. Мир мертвых обычно называется в Библии термином שְׁאוֹל, «шеол»⁷¹. Но этот термин встречается в библейском тексте достаточно редко. Его практически нет в обычных библейских повествованиях или в постановлениях. Чаще всего он употребляется в эмоционально окрашенном контексте, в высказываниях от первого лица. О шеоле на основании библейского текста можно сказать только то, что это место пребывания всех умерших, и добрых, и злых, место темное, безвестное, тоскливое, угрюмое, мрачное, не более того. Нет никаких указаний на то, как умерший проходил в это место.

Шеол в библейских текстах представлен не только как место пребывания мертвых, но и как общая человеческая

⁷⁰ Johnston, Philip S. *Death in Egypt and Israel: A Theological Reflection*. P. 109.

⁷¹ См. монографию: Johnston, P. S. *Shades of Sheol: Death and Afterlife in the Old Testament* / P. S. Johnston. Leicester, 2002.

участь, которой надеялись избежать праведники, и как божественное наказание грешников. Более того, около двух третей упоминания этого термина в еврейской Библии (41 из 66 раз) связано именно с пониманием шеола как печальной участи. 25 раз шеол обозначает человеческую судьбу, которая уготована грешникам, и 7 раз участь, которую должны избежать праведники. 7 раз шеол встречается в контексте, подразумевающим божественный суд. Наконец, 2 раза он обозначает всеобщую участь. Последний случай представлен в Пс. 88:49, где слово «шеол» находится в обращении к Богу с просьбой о помощи и упоминании неизбежности для всех людей смерти, а также Еккл. 9:10⁷². Возможно, что в Ис. 5:14 и Песн. 8:6 мы встречаемся с персонификацией шеола. В качестве аналога слову «шеол» в Библии встречаются и другие термины: אֶבְרֵתַי, קֶבֶר, בּוֹר, שְׁחַת⁷³.

Рассуждая об отсутствии у древних израильтян веры в бессмертие, К. С. Льюис высказывал предположение, что эта вера была сокрыта Богом намеренно, чтобы израильтяне избежали веры в бессмертие, основанной на эгоизме (можно еще добавить – и магии), чтобы они, в конечном счете, поняли, что истинной целью человека должно быть не просто личное бессмертие, а Сам Бог⁷⁴. Представляется, что свои представления о смерти и посмертном состоянии израильтяне первоначально соотносили с представлениями своего другого, северного соседа – Месопотамии⁷⁵.

⁷² См.: Johnston, P. S. *The Underworld and the Dead in the Old Testament* / P. S. Johnston // *Tyndale Bulletin*. № 45.2. 1994. P. 416.

⁷³ Ф. Джонстон считает, что высказанное Г. Гункелем мнение о том, что загробный мир в Библии иногда обозначается словом קֶבֶר, не имеет под собой достаточных оснований (Johnston, P. S. *The Underworld and the Dead in the Old Testament*. P. 416).

Об особенностях употребления термина «шеол» в еврейской Библии см.: Lessing, Reed. *Dying to Live: God's Judgment of Jonah, Jesus, and the Baptized* / Reed Lessing // *Concordia Journal*. January 2007. Volume 33. № 1. P. 11-13.

⁷⁴ Льюис, К. С. *Размышления о псалмах* / К. С. Льюис. М., 2007. С. 38-40.

⁷⁵ См.: *Посмертное бытие по учению Библии* // Мень, А. *Библиологический словарь* / А. Мень. М., 2002. Т. 2. С. 468-470.

Израильтяне интересовались не смертью, а жизнью. Их Бог, Яхве, помогал им и спасал их от проблем их реальной жизни. Само имя их Бога, יהוה, происходило от глагола «быть», היה. Власть Яхве простирается над шеолом, над жизнью и смертью, Он – живой Бог живых. Сравнивая представления о смерти египтян и израильтян, Ф. Джонстон выделяет несколько особенностей этих представлений. Во-первых, смерть в Египте, обладая привлекательностью, не создавала непроходимую черту между живыми и мертвыми; библейские же тексты не позволяют говорить о взаимодействии живых и мертвых. Во-вторых, подготовка к смерти в рамках египетской традиции, требовала немалых материальных средств; древние евреи едва ли могли себе позволить подобную роскошь. В-третьих, смерть в Египте закрепляла социальные различия, поскольку только богатые люди, обеспечившие себя всем необходимым для правильного погребения, могли быть уверены в своем положении после смерти; но в библейских представлениях смерть устраняла все иерархические различия. В-четвертых, смерть в Египте была проявлением общего порядка, Маат, изменение которого было недопустимым; для Израиля же была важна жизнь, а смерть воспринималась как некая ненормальность. В-пятых, все заботы о внешней подготовке к смерти в Египте могут выглядеть как огромный самообман, поскольку все не могли не осознавать, что погребения в итоге будут заброшены и разграблены; в Израиле же не было такого противоречия между верой и практикой, израильтяне почти не отличались чрезмерной заботой о своих погребениях⁷⁶. «Смерть в Египте, – делает вывод Ф. Джонстон, – была кульминацией жизни, в то время как смерть в Израиле воспринималась как отрицание жизни, прекращение активности и удаление от присутствия Бога. Цитируя одного из великих сынов Израиля (хотя и в

⁷⁶ Johnston, Philip S. *Death in Egypt and Israel: A Theological Reflection*. P. 114-115.

несколько ином контексте), Яхве был Богом «не мертвых, но живых» (Мк. 12:27)⁷⁷.

В Ветхом Завете мы едва ли найдем прямые высказывания о загробном суде. Всех ожидает смерть и шеол. В смерти, как и в шеоле, нет дифференциации. Вероятно, не было у древнего Израиля и веры в воскресение мертвых. Выражения об оживлении, воскресении, которые мы встречаем в Библии, либо описывали всемогущество Бога, в руках Которого находится мир и все, что в мире, включая жизнь и смерть (Втор. 32:39; 1 Цар. 2:6), либо описывали судьбу народа Божия, который был низвергнут за свои грехи, но будет восстановлен по милости Бога (Иезек. 37:1-14)⁷⁸. Встречаются в Библии и описания воскрешения ребенка. В 3 Цар. 17:22 это делает пророк Илия, а в 4 Цар. 4:35 - Елисей. В 4 Цар. 13:21 оживает мертвец, которого коснулись кости Елисея. Однако это частные случаи чудес, которые можно воспринимать как вариант исцеления, поскольку все воскрешенные были только что умершими. По мнению Ф. Джонстона, вера в восстание из мертвых, в личное физическое воскресение начала приобретать четкие очертания в послевоенный период, когда израильтяне не увидели в опыте своей жизни обещанного пророками восстановления народа в полной мере⁷⁹. Политические надежды исполнены не были, но развилась вера в воскресение и воздаяние после смерти (Дан. 12:2).

В Книге Екклесиаста мы не встретим прямого выражения надежды на воздаяние после смерти. Ее автор разделяет общее библейское понимание шеола как мрачного места, в которое попадают все умершие: «Все, что может делать рука твоя по силе твоей – делай (אֲשֶׁר תִּכְרַעַת יָדְךָ לַעֲשׂוֹת בְּכַחַד עֲשֵׂה) – делай

⁷⁷ Johnston, Philip S. *Death in Egypt and Israel: A Theological Reflection*. P. 116.

⁷⁸ См.: Block, Daniel I. *Beyond the Grave: Ezekiel's Vision of Death and Afterlife* / Daniel I. Block // *Bulletin for Biblical Research*. № 2. 1992. P. 113-141.

⁷⁹ Johnston, Philip S. *Death in Egypt and Israel: A Theological Reflection*. P. 111.

כל), потому что в шеоле⁸⁰ (בְּשֵׂאוֹל) , куда ты идешь, там нет ни делания, ни замысла, ни знания, ни мудрости (אֵתָהּ הַלֵּךְ שָׂמָה) «אָרְרָה וְרַעַת וְחִכְמָה בְּשֵׂאוֹל אֲשֶׁר יֵרָד» (Еккл. 9:10)⁸¹. Мертвые пребывают в забвении и воздаяние для них невозможно: «Ведь живые знают, что умрут (כִּי הַחַיִּים יוֹדְעִים שְׂמִתוֹת), а умершие не знают ничего (וְהַמֵּתִים אֵינָם יוֹדְעִים מְאוּמָה) , и нет им больше воздаяния (וְאֵין עוֹד לָהֶם שִׂכָר), потому что забыта о них память (כִּי נִשְׁכַּח זְכָרָם)» (Еккл. 9:5).

И это традиционное для Ветхого Завета представление о шеоле вступает в сознании автора в конфликт с чувством справедливости. Екклезиаст трезво смотрит на мир, он видит в нем много несправедливого, благоденствие грешников и страдания праведников. Всех людей, вне зависимости от их праведности и неправедности, ожидает одно – тьма (Еккл. 6:4). Одна участь у всех людей, все отходят к умершим (Еккл. 9:3). Он мучается от того, что перед лицом смерти лишена смысла всякая деятельность человека, что сама смерть неотвратима (Еккл. 8:8). Перед лицом смерти человек ничем не лучше животного (Еккл. 3:19-21). В эмоциональном порыве Екклезиаст заявляет, что если мир таков, то лучше в нем не рождаться (Еккл. 4:3).

Этому ужасающему пессимизму автор пытается противопоставить указания на то, что Бог все помнит и Бог осуществит некий суд. «Бог отыщет прошедшее (אֶת־נִרְדָּה)» (Еккл. 3:15), «всякое дело приведет Бог на суд (וְהָאֱלֹהִים יִבְקֹשׁ)» (Еккл. 12:14; также см. Еккл. 11:9), «праведника и нечестивого будет судить Бог (וְהָאֱלֹהִים יִשְׁפֹּט)» (Еккл. 12:14); «(אֶת־הַצְדִּיק וְאֶת־הַרְשָׁע יִשְׁפֹּט)»; потому что миг – всякому наслаждению и (суд) – всякому делу (כִּי־רֵעַת לְכָל־חַפְצַּן וְעַל כָּל־הַמַּעֲשֵׂה שָׁם)»

⁸⁰ Синодальный перевод передает слово שֵׂאוֹל в этом стихе как «могила».

⁸¹ П. А. Юнгеров истолковал этот отрывок в христианском понимании: «Там уже следует то или другое воздаяние за настоящую жизнь, а не совершение тех или иных поступков» (Юнгеров, П. А. *Учение Ветхого Завета о бессмертии души и вечной жизни* / П. А. Юнгеров. Киев, 2006. С. 101). Однако все немногочисленные слова книги о суде Бога в Екклезиасте столь неопределенны, что не позволяют сделать однозначный вывод.

(Еккл. 3:17). Так тема смерти рождает надежду на бессмертие.

Книга Екклезиаста – одна из немногих книг в Ветхом Завете, которая поднимает вопрос о смысле жизни человека в перспективе смерти, и, кажется, единственная ветхозаветная книга, которая ставит этот вопрос так остро.

5. «Песнь арфиста» и Книга Екклезиаста: отношение к смерти и призывы к радости

Книгу Екклезиаста и «Песнь арфиста» объединяет не просто общее внимание к смерти, которая отнимает у человека все результаты его земных трудов, включая его гробницу, и общий призыв, призыв к радости и активной деятельности. Близость касается целого ряда мыслей, сопутствующих теме смерти. Это мысли о постоянной, неотвратимой смене поколений людей, неизвестности того, что ждет человека по смерти, невозможности возврата умершего на землю. Данные мысли выражаются в египетских текстах и библейской книге в близких словах и выражениях.

«Исчезают тела и преходят, другие идут им на смену, со времени предков», – говорит арфист гробницы Иниотефа⁸². Ему вторит арфист гробницы Неферхотепа: «Со времен бога проходят тела, и поколения приходят на их место. Ра восходит утром, Атум заходит в Ману, мужчины оплодотворяют, женщины зачинают, все носы вдыхают воздух, но утром их дети уходят к их местам (т. е. умирают)!⁸³». Эти слова, стоящие в начале «Песен», сразу напоминают слова Екклезиаста, которые следуют практически сразу после надписания книги – «Род приходит и род уходит (אָרְבֵּי יוֹרֵד וְיוֹרֵד הַלֵּךְ וְיוֹרֵד), земля же стоит вечно (וְהָאָרֶץ לְעוֹלָם עֹמֶדֶת)» (Еккл. 1:4). Интересно, что начало «Песни» из гробницы Нефер-

⁸² В этом разделе «Песнь арфиста» из папируса «Харрис 500» цитируется по переводу Б. А. Тураева из издания: Тураев, Б. А. *История Древнего Востока*. С. 239.

⁸³ В этом разделе «Песнь арфиста» из гробницы Неферхотепа цитируется по переводу М. А. Матъе из издания: Монте, П. *Egypt Ramesses*. С. 117-118.

хотепа фактически пересказывается не только в Еккл. 1:4, но и в следующем стихе: «Восходит солнце, и заходит солнце (וַיִּרְחַב הַשָּׁמֶשׁ וַיָּבֵא הַשָּׁמֶשׁ), и торопится к месту, где ему восходить (וְאֵל־מְקוֹמוֹ שׂוֹאֵף זֹרְחַת הוּא שָׁם)» (Еккл. 1:5).

«Никто не приходит из них (т. е. мудрецов, изречения которых все повторяют), чтобы рассказать о них, поведать об их пребывании, чтобы укрепить наше сердце, пока вы (т. е. слушатели) не приблизитесь к месту, куда они ушли», – говорит арфист гробницы Иниотефа. «Подумай о дне, когда тебя поведут в страну, куда забирают людей... И нет возврата оттуда», – призывает арфист гробницы Неферхотепа. «Нет ушедшего, кто вернулся», – напоминает и еще один арфист (из фиванской гробницы № 23)⁸⁴.

О неизвестности посмертной участи и невозможности для человека вернуться назад Екклезиаст говорит так: «Кто знает – дух сынов человеческих понимается ли вверх (לְמַעַלָּה) היא (מִי יוֹדֵעַ רוּחַ בְּנֵי הָאָדָם הַעֲלֶה הִיא וְרוּחַ הַבְּהֵמָה הַיִּרְדָּת הִיא לְמַטָּה לְאָרֶץ)? И я увидел, что нет иного блага для человека, чем веселиться в делах своих (וְרָאִיתִי כִּי אֵין טוֹב מֵאֲשֶׁר יִשְׂמַח הָאָדָם בְּמַעֲשָׂיו), потому что это доля его (כִּי־הוּא הַלֶּקֶן); ведь кто приведет его посмотреть на то, что будет после него? (כִּי מִי יבִיאֵנוּ לְרְאוֹת בְּמָה שְׂיִהְיֶה אַחֲרָיו)» (Еккл. 3:21-22) (ср.: Еккл. 8:7).

Смерть человека отнимает у него все его имущество, поэтому нужно при жизни наслаждаться своим богатством. Эта мысль в гробнице Иниотефа выражается так: «Итак, празднуй, не унывай, ибо нельзя брать своего достояния с собою, и никто из ушедших еще не вернулся». В гробнице Неферхотепа эта мысль усложняется еще и нравственным приложением, призывом помогать бедным: «Давай хлеб неимущему, чтобы осталось твое имя прекрасным навеки! Проводи счастливый день!.. Подумай о дне, когда тебя по-

⁸⁴ Предварительный перевод М. Панова, опубликованный на форуме сайта «Египтологический сборник». Режим доступа: http://www.egyptology.ru/cgi-bin/topic_show.pl?tid=355. Дата доступа: 20.01.2010.

ведут в страну, куда забирают людей. Там нет человека, который взял бы с собою свои богатства».

Что касается Книги Екклезиаста, то ее автор очень удручается мыслью о том, что его богатство, накопленное благодаря его труду, достанется, в конце концов, другому человеку:

«И я сам возненавидел весь труд (אֲנִי אֶת־כָּל־עֲמָלִי), которым я трудился под солнцем (עָמַל תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ), потому что я должен буду оставить его человеку, который будет после меня (שְׂאֵנִיחֵנוּ לְאָדָם שִׁיהִיה אַחֲרַי)» (Еккл. 2:18);

«Человек, труд которого с мудростью, и знанием и мастерством (אָדָם שֶׁעָמְלוֹ בְּחָכְמָה וּבְדַעַת וּבְכִשְׁרוֹן), отдаст свою долю (наследство) человеку, который не трудился так (חֶלְקוֹ) (ולאָדָם שֶׁלֹּא עָמְלֵבוּ וַחֲנֹנוּ רָבָה)». И это – пустота и большое зло (גַּם־זֶה הַבֵּל וְרַעָה)» (Еккл. 2:21);

«Как он вышел из утробы матери своей голым (אָמוֹ עָרוֹם) (כְּאֲשֶׁר יָצָא מִבֶּטֶן), так и возвратится, уходя таким, каким пришел (וְשׁוֹב לְלֶכֶת כְּשָׁבָא). И ничего не поднимет в своем труде, что желал бы унести в своей руке (לֹא־יִשָּׂא בְעַמְלוֹ שִׁילָךְ בְּיָדוֹ) (וּמִאֲמִמָּה). И это также мучительное зло: каким он пришел, таким и уйдет (וְגַם־זֶה רָעָה חוֹלָה כָּל־עַמְמַת שָׁבָא כֵן יֵלֶךְ)» (Еккл. 5:14-15).

Во всех этих древних текстах звучит и призыв к веселью, который опирается на неясность будущей перспективы человека, на неопределенность того, что ждет человека после смерти. Арфист из гробницы Иниотефа вообще призывает забыть о смерти и наслаждаться жизнью: «Будь здрав сердцем, чтобы заставить свое сердце забыть об этом; пусть будет для тебя наилучшим следовать своему сердцу, пока ты жив. Возлагай мирру на голову свою, одеяние на тебе да будет из виссона, умащайся дивными, истинными мазями богов. Будь весел, не дай твоему сердцу поникнуть, следуй его влечению и твоему благу; устрой свои дела на земле, согласно велению своего сердца, и не сокрушайся, пока не наступит день причитания (по тебе). Не слушает тот, чье сердце не бьется, жалоб, а слезы никого не спасают из гроба». Слова из же гробницы Неферхотепа («Проводи же счастливый день, о жрец! Да будут все-

гда благовония и ароматы для твоего носа, гирлянды и лотосы для плеч и груди твоей возлюбленной сестры, которая сидит рядом с тобою! Да будут песня и музыка пред тобою, отбрось всякое огорчение, думай только о радости, пока не придет день, когда надо причалить к земле Любящей молчание») добавляют к призыву веселиться упоминание возлюбленной, которое присутствует в аналогичном призыве из «Эпоса о Гильгамеше» и Книги Екклезиаста, а также упоминание удовольствия от музыки, которое также присутствует в отрывке из «Эпоса о Гильгамеше».

Совпадающий с этими отрывками призыв Книги Екклезиаста чаще всего вспоминается, когда речь идет о связи этой библейской книги с «Песнью арфиста» и «Эпосом о Гильгамеше»⁸⁵. Отрывок «Песни» из гробницы Иниотефа начинается с призыва забыть о смерти, а отрывок из Екклесиаста – со слов о том, что мертвые ничего не знают и память о них будет предана забвению: «Умершие не знают ничего (וְהַמֵּתִים אֵינָם יוֹדְעִים מָאוֹמָה), и нет им больше воздаяния (וְשִׁפְחַת זְכָרָם) ... Иди, ешь с весельем хлеб твой (לֶךְ אֲכַל בְּשִׂמְחָה לֶחֶמְךָ) и пей с благим сердцем вино твое (וְשַׂחַח בְּלֵב־טוֹב יַיִןךָ), потому что уже благоволил Бог к делам твоим (רָצָה הָאֱלֹהִים אֲחִי־מַעֲשֶׂיךָ) (פי כָּבֹר). Да будут каждый миг белыми одежды твои (לְכִנִּים) (בְּכָל־עַת יְהִיוּ בְּנֹדֶיךָ), и да не убывает благовоние (елей) на голове твоей (וְשִׁמֹן עַל־רֹאשְׁךָ אֲלֵי־יְחֹסֶר). Ощути жизнь с женщиной, которую ты любишь (רְאֵה חַיִּים עִם־אִשָּׁה אֲשֶׁר־אַהַבְתָּ), все дни твоей пустой жизни (כָּל־יְמֵי חַיֵּי הַבֶּלֶךְ), которую дал тебе под солнцем (на) все дни твоей пустой жизни (הַשֶּׁמֶשׁ כָּל יְמֵי הַבֶּלֶךְ) (אֲשֶׁר נָתַתְּ לְךָ תַחַת

Призыв веселиться, который звучит в «Песне арфиста», в Книге Екклесиаста повторяется рефреном (Еккл. 3:12, 22; 8:15; 9:7-9; 11:8). А в Еккл. 5:18-19 даже подчеркивается, что радость сердца, которую дает человеку Бог,

⁸⁵ См., например: Horne, Milton P. *Proverbs-Ecclesiastes* / Milton P. Horne. Macon: Smyth & Helwys Publishing, 2003. P. 374. (Smyth & Helwys Bible commentary, 12). Коростовцев, М. А. *Религия Древнего Египта*. С. 392.

является своего рода компенсацией за краткость жизни человека.

Очевидно, что слова Екклезиаста о том, что человек должен не думать о смерти, наслаждаться жизнью, а также подобные им скептические выражения, в данной библейской книге представляют только одну сторону внутреннего диалога. Но в скрытом диалоге Книги Екклезиаста имеется и еще одна сторона. В этой книге есть явное напоминание о положительных нравственных ценностях и необходимости следовать им.

Призывы «Песней арфиста» – «умащайся дивными, истинными мазями богов» (из гробницы Иниотефа), «да будут всегда благовония и ароматы для твоего носа» (из гробницы Неферхотепа) – рождают воспоминания и об упоминаемых в Текстах пирамид приношениях благовонных масел, и о благовонной мази, которой помазывал себя человек, проходивший через пилоны дома Осириса, о чем говорит 145 глава Книги мертвых. Поэтому призывы «Песней», соотнесенные с поминальными текстами, подчеркивают, что, думая о смерти, человек не должен забывать о жизни, благовонные масла нужны не только мертвым, но и живым.

В связи с ароматным маслом, благовонными мазями вспоминаются и слова из Екклесиаста 7:1: «Доброе имя лучше чем благовоние» (טוֹב שֵׁם מִשֶּׁמֶן טוֹב), которые имеют хиастическую структуру, и в которых используется паронимия, созвучие слов «имя», שֵׁם, и «(ароматное) масло, мазь», שֶׁמֶן. Эти слова Екклесиаста как раз и отражают вторую сторону внутреннего диалога книги. Они отстаивают традиционные ценности. Нужно поступать так, чтобы твое имя (а имя обозначает и репутацию, славу человека) благоухало, чтобы человек благоухал добрыми делами. Интересно, что подобное отстаивание нравственных ценностей присутствует и в «Песне арфиста» из гробницы «Неферхотепа»: «Давай хлеб неимущему, чтобы осталось твое имя прекрасным навеки!». В этом отрывке, в отличие от Еккл. 7:1, «имя», *ni*, имеет явную связь с египетской религиозной антропологией и поминальным культом. В египетском по-

нимании имя являлось сокровенной частью человека, одной из духовной составляющей человека, между именем и его носителем существовала тесная связь⁸⁶. Зная имя, можно было воздействовать посредством магии на носящего это имя человека или бога. Сохранение имени обеспечивало жизнь после смерти.

Особое внимание стоит обратить на частое упоминание сердца во второй части «Песни арфиста» из папируса «Харрис 500» и постоянное упоминание сердца в Книге Екклезиаста. В книге Екклезиаста «сердце», לב , встречается 41 раз⁸⁷. «Сердце» в употреблении автора Книги Екклесиа-ста может обозначать и самого автора в целом, и его эмоциональную, интеллектуальную и волевою сферу. Характерно, что автор даже вступает в диалог со своим сердцем (Еккл. 1:16; 2:3), повелевает им (Еккл. 2:10). Использование этого термина в «Песне арфиста» в целом соответствует его использованию в Книге Екклесиа-ста, исключая персонификации сердца. Сердце в «Песне» также обладает волевыми, эмоциональными, интеллектуальными функциями, иногда обозначая человека. Что касается диалога с сердцем, изображения сердца как собеседника, то этот прием Екклесиа-ста находит соответствие в других египетских памятниках, упомянутых выше – в «Беседе Хахеперсенеба Онху со своим сердцем» и «Беседе разочарованного со своей душой (Ба)» (где, впрочем, собеседником выступает не сердце, а душа, Ба). В этих произведениях мы встречаемся с персонификацией сердца (Иб) и души (Ба).

⁸⁶ О значении имени в Древнем Египте см.: Коростовцев, М. А. *Религия Древнего Египта*. С. 52, 275. Солкин, В. В. *Египет: вселенная фараонов* / В. В. Солкин. М., 2001. С. 84-85. Большаков, А. О. *Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого Царства* / А. О. Большаков. СПб., 2001. С. 65-69.

⁸⁷ Об особенностях употребления слова «сердце» в еврейском тексте Книги Екклесиа-ста см. в пятой главе, а также в статье: Holmstedt, R. D. *The Syntactic Encoding of the Collaborative Nature of Qohelet's Experiment* / R. D. Holmstedt // *JHS (The Journal of Hebrew Scriptures)*. Volume 9. Article 19. 2009.

«Лучше ходить в дом плача, чем ходить в дом пиршества (טוֹב לָלֶכֶת אֶל־בַּיִת־אֶבֶל מִלֶּכֶת אֶל־בַּיִת מִשְׂתֵּה), потому что (смерть) – конец всякого человека (בְּאִשֶּׁר הוּא סוֹף כָּל־הָאָדָם). И живущий пусть воспримет это своим сердцем (יִתֵּן אֶל־לִבּוֹ)», – говорится в Еккл. 7:2. Эти слова, которые выражают призыв к соблюдению нравственных норм, вполне можно соотнести с предполагаемой традицией использования «Песни арфиста» на пирах. И это сопоставление может показать разницу между Книгой Екклезиаста и египетскими памятниками. Египетские «Песни арфиста», напоминая о смерти, призывали в первую очередь использовать все блага жизни самому, и помогать использовать эти же блага другим людям. Книга Екклезиаста, напоминая о смерти, полемизирует с идеологией бездумного веселья, говорит о суде Божиим, пытается приоткрыть человеку перспективу загробного мира.

6. Судьбы традиций, в рамках которых возникли «Песнь арфиста» и Книга Екклезиаста

Влияние египетской литературы на литературу библейскую определяется географической близостью народов, их культурными связями, приводящими к неизбежной культурной зависимости одного народа от другого народа, находящегося на более высоком уровне развития. Это влияние определяется и общечеловеческим характером проблем, волновавших разные древние народы. Однако очевидно, что каждая из рассмотренных книг существовала в рамках своей религиозной и культурной традиции, каждая играла в этой традиции свою определенную роль.

«Песнь арфиста» была призвана напомнить египтянам, которые чрезмерное внимание уделяли жизни загробной и поминальному культу в его внешней, магической, материальной стороне, о радостях земной жизни. «Песнь» можно считать своеобразным протестом против забвения земной жизни и против культового материализма.

Книга Екклезиаста в свою очередь была призвана напомнить израильтянам, которые как будто игнорировали проблему смерти, о смерти. Книгу Екклезиаста можно счи-

тать своеобразным протестом против религиозного материализма израильтян, которые даже в своих религиозных порывах думали главным образом о земном благе. Напоминание о смерти в самой книге уравнивается призывами наслаждаться благами жизни.

И эти две традиции, в конечном счете, сойдутся в представлении о воскресении из мертвых, о Божественном Царстве, в которое попадают умершие в зависимости от своего нравственного состояния, а также в уважительном отношении к материальному миру. Не этим ли отчасти объясняется та роль, которую сыграл в истории раннего христианства Египет, давший немало количество мучеников, аскетов, богословов?

По-разному сложились судьбы этих двух традиций. Библейская ветхозаветная традиция (составной частью которой является Книга Екклесиаста), с ее ожиданием, чаянием, предошущением бессмертия, обогащенная новозаветным Откровением, продолжает существовать, проявляя жизнеспособность и отвечая духовным потребностям человека. В христианском восприятии есть и вера в бессмертие, вера в Небесное Царство, вера в обожение человека, воскресение мертвых, представление о преображении материального мира.

В рамках современного христианства может особый интерес представлять именно та грань Книги Екклесиаста, которая соприкасается с «Песнью арфиста» – оптимистичные призывы радоваться этой жизни. Эти призывы могут помочь сохранить баланс между чрезмерным аскетизмом, презирующим существующий мир, видящий в мире только одно зло, и легкомысленным отношением к жизни, стремлением получать от жизни все удовольствия. Хоть на мире и лежит печать греха, но этот мир – благое творение Бога, созданное для радости, блаженства человека.

Что касается религиозной традиции, частью которой была «Песнь арфиста», то она оказалась нечуткой к призывам «Песни арфиста». В реальной религиозной практике этой традиции победил формализм, победила культовая магия. Возможно, что победа магии стала поражением ре-

лигии, магия погубила древнеегипетскую религию. Но лучшие проявления древнеегипетской религиозности влились в традицию библейскую, где обрели новую жизнь. Так что древнеегипетские призывы к радости вполне могут быть услышаны и современными христианами.